

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОПОНИМАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ: ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ СДВИГИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ, ИЛИ КОГДА МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ ПОКОНЧИТ С ПРАВОМ?

Аннотация. Современное мироустройство под воздействием процессов глобализации существенно видоизменилось, что приводит к парадигмальному сдвигу в праве, к серьезному смещению концепций правопонимания, обусловившему методологический кризис современной теории права. Новая правовая действительность XXI в., преобразованная глобализацией и исследуемая в контексте юридической антропологии, рисует новое будущее права, над созданием которого работают не только государственно-властные образования, но и частные акторы: мировое бизнес-сообщество, или бизнес-элиты в лице транснациональных и мультинациональных организаций, надгосударственных структур. Дисциплинарная матрица международного частного права также претерпевает существенные изменения, находясь в авангарде происходящих преобразований. И если система международного частного права все еще, исходя из постулатов позитивистской юридической науки, не вмещает в себя нормы негосударственного регулирования, то современная парадигма международного частного права уже немыслима без соответствующих норм. Юридический инструментарий, используемый для целей регулирования трансграничных отношений, ядром которого служат правовые нормы, значительно обогащается сегодня не столько новыми, сколько осовремененными квазиправовыми (неправовыми) средствами. Значимое место в соответствующем юридическом инструментарии принадлежит нормам негосударственного регулирования, которые в контексте настоящего исследования квалифицируются как собирательное и наиболее «нейтральное» видовое обозначение норм негосударственного происхождения, регулирующих трансграничные отношения. Начавшийся в области трансграничной торговли процесс активного применения норм негосударственного регулирования распространился практически на все виды трансграничных частноправовых отношений, хотя и с совершенно разной степенью проникновения и признания соответствующих норм, а также с разными допустимыми функциональными возможностями. Живая, гибкая, адаптивная, самоорганизующаяся, мобильная нормативная среда формируется, вытесняя, подменяя, видоизменяя, обогащая традиционные правовые регуляторы. Особенно важно и в недалекой перспективе может привести к глобальным последствиям то, что нормы негосударственного регулирования формируют особую

© Мажорина М. В., 2017

* Мажорина Мария Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) mazhorina@inbox.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

регулятивную систему не идеально-абстрактного вакуумного типа, служащую целям моделирования будущих правовых систем, а с очевидно прикладной целью — в качестве «применимого права» в условиях сформированного и широко признанного на международной сцене дестинатора этой системы — международного коммерческого арбитража.

Ключевые слова: международное частное право, международный коммерческий арбитраж, право, парадигма, нормы права, глобализация, применимое право.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.131.10.088-102

1. ПРАВО В СОВРЕМЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА ИЛИ ОТ ИНТЕРНАЛИЗМА К ЭКСТЕРНАЛИЗМУ

Если посмотреть на картину Сальвадора Дали «Гала с видом на Средиземное море», написанную в 1976 г., то можно увидеть обнаженную женщину, стоящую возле окна и созерцающую море. Но если отойти на расстояние примерно 20—30 метров и взглянуть на ту же картину, то отчетливо вырисовывается портрет 16-го Президента США Авраама Линкольна. То, что не видно вблизи, становится обозримым на расстоянии.

Возможно, и нам, юристам, стоит отойти подальше и взглянуть на право со стороны? Ведь то, что мы так любим, так тщательно исследуем, то, относительно чего мы пишем диссертации или что защищаем в судах, — право — не автономно от современного мира, от социума, оно живо и податливо, оно отзывчиво ко внешнему воздействию. Картина мира, меняясь, трансформирует и юридическую картину мира, а выстроенный в течение нескольких веков «пантеон юридической метафизики» кренится и рискует разрушиться. И, казалось бы, вечные и неизменные правовые доктрины стареют, утрачивая свой «впечатляющий объяснительный потенциал»¹. Следовательно, возникает необходимость приведения устаревших юридических идей, конструкций и даже познавательных моделей, образующих

юридический концепт действительности, в соответствие с происходящими в правовой действительности изменениями². Современное мироустройство под воздействием процессов глобализации существенно видоизменилось, что приводит к парадигмальному сдвигу в праве, обусловившему методологический кризис современной теории права и смешение концепций правопонимания³. О смене парадигмы современного права пишет Е. А. Войниканис, понимая под этим *изменения в теории и практике, вызванные кардинальным изменением общей ситуации вне права — социально-политического и экономического контекста*⁴.

Новая правовая действительность XXI в., преобразованная глобализацией и исследуемая в контексте юридической антропологии, рисует новое будущее права, над созданием которого работают не только государственно-властные образования, но и частные акторы: мировое бизнес-сообщество или бизнес-элиты в лице транснациональных и мультинациональных организаций, надгосударственных структур. Как пишет У. Бек, глобализация интенсифицирует процессы, в которых национальные государства и их суверенитет встраиваются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности⁵. Формирование «постсуверенного мирового порядка», сопряженного с «разгосударствлением права», де-

¹ Гаджиев Г. А. Российские исследования в области права и экономики: уточнение юридической картины мира : доклад в рамках IV Московского юридического форума «Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании» 6 апреля 2017 // Сайт Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). URL: http://moslegforum.ru/netcat_files/userfiles/1/plenum/Rossiyskie_issledovaniya_v_oblasti_prava_i_ekonomiki.pdf (дата обращения: 7 апреля 2017 г.).

² Гаджиев Г. А. Указ. соч.

³ См., например: Лейст О. Е. Сущность права. М. : Зерцало, 2008. С. 292—293.

⁴ Войниканис Е. А. Парадигмальный сдвиг в современном праве // Философия политики и права : сб. науч. работ. М. : Изд-во Воробьева А. В., 2010. Вып. 1. С. 138—161.

⁵ Бек У. Национальное государство утрачивает суверенитет // Сумерки глобализации : сборник. М. : Ермак, 2004. С. 48—49.

централизацией процессов нормообразования актуализирует потребность в переосмыслении нормативной надстройки общества и исследовании современной нормативной системы в условиях правового плюрализма (вперед — от интернализма к экстернализму?).

При проведении настоящего исследования будем исходить из напутствия известного теоретика права Д. А. Керимова, который писал о целесообразности отхода от узкого фанатизма — сохранить превратно понятную «чистоту» своей дисциплины, до настойчивого расширения диапазона исследований путем привлечения инструментов и методов других научных областей⁶. Попробуем посмотреть на право не «изнутри», а «снаружи». Не на все право, в рамках данной статьи, а на международное частное право.

Как пишет Г. Харт (Herbert Lionel Adolphus Hart), лишь несколько вопросов, касающихся человеческого общества, исследуются сегодня столь настойчиво и упорно, и порой взгляды на них отличаются так кардинально, что это кажется парадоксальным. И один из этих вопросов: «Что такое право?». Нам не найти столь обширных исследований на темы: «Что такое химия?», «Что такое медицина?». А вот по вопросу: «Что есть право?» объем литературы впечатляет⁷.

В настоящее время существует масса разных концепций относительно того, какие изменения происходят в правовом пространстве в эпоху глобализации. Это концепции: транс-

национального права⁸, глобального права⁹, транснационального коммерческого права¹⁰, мирового права¹¹, мягкого права¹², а также концепции глобального правового плюрализма¹³, транснационального правового плюрализма¹⁴, неправовых социальных норм¹⁵ и проч. Что-то действительно происходит. Как пишет Франк Гарсиа (Frank J. Garcia), мы, возможно, до конца не осознаем, что именно происходит. Мы, как слепые ученые, пытаемся на ощупь описать слона, понимая лишь то, что в помещении явно есть что-то большое и живое¹⁶.

Сращивание по определенным функциональным направлениям правового, экономического, ценностного аналогов глобализации привело к появлению достаточно уникальных, не известных прошлым общественным практикам социальных феноменов, таких как интернет-право, «право Макдональдса»¹⁷ и т.д.¹⁸

2. ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВООПОНИМАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Дисциплинарная матрица международного частного права претерпевает в настоящее время существенные изменения, находясь в авангарде происходящих преобразований. Юридический инструментарий, используемый для целей регулирования трансграничных отношений, ядром которого служат правовые нормы, значительно обогащается сегодня не

⁶ См.: об этом: Керимов Д. А. Методология права. М., 2009. С. 19.

⁷ См.: Hart H. L. A. Concept of Law. Oxford : Clarendon, 1961. P. 1.

⁸ Jessup Ph. C. Transnational Law. New Haven : Yale University Press, 1956.

⁹ См., например: Domingo R. The New Global Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2010 ; Capaldo G. Z. The Pillars of Global Law. Ashgate, 2008. 429 p.

¹⁰ См., например: Cranston R. Theorizing Transnational Commercial Law // Texas International Law Journal. 2007. Vol. 42. P. 597—617.

¹¹ См., например: Bederman D. Globalization and international law. N. Y. : Palgrave, 2008. 244 p.

¹² См., например: Abbott K. W., Snidal D. Hard and soft law in international governance // International Organization. 2000. 54 (3). P. 421—456.

¹³ Berman P. S. Global Legal Pluralism : A Jurisprudence of Law Beyond Borders. Cambridge, 2014.

¹⁴ Zumbansen P. Transnational Legal Pluralism // Comparative Research in Law & Political Economy. Research Paper No. 1/2010. P. 3—57.

¹⁵ См., например: Posner E. Law and social norms. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2000. 236 p.

¹⁶ Frank J. G. Globalization's Law : Transnational, Global or Both? // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2695561 (дата обращения: 5 марта 2017 г.).

¹⁷ «Право Макдональдса» — стандартизированные правовые конструкции, выработанные в недрах крупных транснациональных корпораций.

¹⁸ См. об этом: Захарова М. В. Влияние глобализации на юридическую карту мира // Lex Russica. 2011. № 3. С. 429.

столько новыми, сколько осовремененными квазиправовыми (неправовыми или субправовыми) средствами. Гибридные формы нормотворчества становятся более актуальными. Простая пирамидальная модель от государства к его гражданам и юридическим лицам уже не работает или дает сбои как не отвечающая потребностям международного бизнеса: возникает потребность в более сложных механизмах нормативного регулирования. Нормативный порядок в глобальном мире становится мультиуровневым.

Трансграничная торговля как наиболее иллюстративный срез общественных отношений стремительно трансформируется под влиянием глобализации, а потому происходящие там процессы возможно с той или иной степенью достоверности экстраполировать на остальные общественные отношения. Формирование «виртуального пространства» и активный рост инфокоммуникативных технологий приводят к созданию нового мироустройства, бросая вызов принципу национального суверенитета¹⁹. И сопряженный с этим процесс активного применения норм негосударственного регулирования, начавшийся в области трансграничной торговли, стремительно распространяется практически на все виды трансграничных частноправовых отношений, хотя и с разной степенью проникновения и признания соответствующих норм, а также с разными допустимыми функциональными возможностями. Для права ввиду его консервативности свойственно временное отставание от изменений ситуации в обществе, экономике и культуре. Как замечает Е. А. Войниканис, вначале следуют спонтанные изменения на уровне *негосударственного права*, и только затем, после продолжительных дебатов в академической среде и изменения соответствующей позиции в политических кругах изменения приходят также и в законодательство²⁰.

И если система международного частного права все еще, исходя из постулатов позитивистской юридической науки, не вмещает в себя нормы негосударственного регулирова-

ния, то современная парадигма международного частного права уже немыслима без соответствующих норм.

Международное частное право располагает двумя способами регулирования трансграничных отношений: материально-правовым и коллизионно-правовым. И тот, и другой объективированы в правовых нормах и опосредованы ими. И мы, нуждаясь в регулировании соответствующих отношений, обращаемся либо к материальным нормам международных договоров, либо, следуя указаниям коллизионных норм, продираемся через дебри национального правопорядка одной из известных современному обществу юрисдикций. Последняя траектория на практике выступает как наиболее реалистичная ввиду объективной скудности результатов унификационных усилий. Однако независимо от избранного пути мы неминуемо оказываемся перед необходимостью поиска применимого права или норм применимого права для регулирования отношения по существу.

При первом приближении ничего экстраординарного в этой связи не происходит: картинка та же — для регулирования общественных отношений применяются правовые нормы. Но, если мы отойдем на 20 метров, мы рискуем не узнать на картине Галу, в изумлении угадывая на том же полотне очертания Авраама Линкольна. Итак, что же случилось с правом как одним из регуляторов общественных отношений?

В первую очередь стоит проанализировать процессы трансформации права и правопонимания, которые развиваются внутри нормативной надстройки. Что эволюционирует: само право (бытие права) или правопонимание (представления о праве: от позитивистского подхода к социологическому, от нормативизма к правовому плюрализму)? Эти вопросы все более занимают сегодня юридическую науку, подпитываясь антропологическим и синергетическим подходами к праву²¹. Основным постулатом юридической антропологии является тезис о правовом плюрализме и основанная на нем множественность представлений о праве. В России, как отмечает О. В. Мартышин, раз-

¹⁹ Benyekhlef K., Gelinas F. The International Experience in regard to Procedures for Settling Conflicts relating to Copyright in the Digital Environment // Copyright Bulletin. 2001. Vol. XXXV. No. 4. P. 7.

²⁰ Войниканис Е. А. Парадигмальный сдвиг в современном праве // Философия политики и права : сб. науч. работ. Вып. 1. М. : Изд. А. В. Воробьев, 2010. С. 138—161.

²¹ См. об этом: Веденеев Ю. А. Антропология права: между социокультурными традициями и нововведениями // Lex Russica. 2016. № 9 (118). С. 9—27.

работке нового определения права нередко сопутствуют взаимное непонимание, нетерпимость и поиски абсолюта, т.е. единого, универсального понятия права, делающего не только ненужными, но даже вредными все другие типы определений²².

Как определить, что сегодня входит в понятие «право»? Этот вопрос имеет сугубо прикладной характер в свете механизмов международного частного права, так как коллизионная норма, отсылая российского судью к иностранному праву, предписывает ему установить содержание норм последнего в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве (ст. 1191 ГК РФ). А потому судья должен понимать, что есть «право» в той или иной юрисдикции.

Любопытно, что в Законе Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» в ст. 1 дается определение права как системы общеобязательных правил поведения, устанавливаемых (санкционируемых) и обеспечиваемых государством в целях регулирования общественных отношений. Такое определение просто «закрывает» двери перед попытками применения негосударственных источников для регулирования трансграничных отношений, по крайней мере, при разрешении спора судами Республики Беларусь, а также при применении права Республики Беларусь и потенциально — в ряде случаев при исполнении иностранных решений в соответствующей юрисдикции. Однако в большинстве стран определение права на законодательном уровне не дается.

В российском законодательстве, исследуя вопросы правопонимания, можно отталкиваться от норм Конституции (ст. 15), ст. 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе»²³. Примечательно, что в России более 25 лет велась работа над проектом закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»²⁴, который 26 декабря 2014 г. был обнародован Министерством юстиции России,

однако в 2017 г. было принято решение отказать от продолжения его разработки. При этом в одном из проектов закона, подготовленном Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (далее — ИЗиСП), в п. 11 ст. 2 содержалось определение правовой системы как совокупности согласованных и взаимосвязанных юридических средств, институтов, учреждений, существующих и функционирующих в государстве, с помощью которых оно оказывает руководящее, организационное и регулятивное воздействие на общественные отношения. В статье 20 того же проекта речь шла об использовании международных рекомендательных актов в правовой системе Российской Федерации, что в свете происходящих изменений представляет интерес. Так, под международными рекомендательными актами для целей закона предлагалось понимать документы, независимо от их наименования (модельные законы, модельные кодексы, рекомендательные резолюции, решения рекомендательного характера и т.д.), не имеющие юридически обязательного характера, принимаемые международными организациями. Международные рекомендательные акты не налагают международных обязательств на Российскую Федерацию, а их использование не требует обязательного принятия законов и подзаконных нормативных правовых актов. Порядок использования международных рекомендательных актов определяется по усмотрению органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов РФ, иных органов Российской Федерации²⁵.

Таким образом, ИЗиСП «отреагировал» на разрастание нормативной материи за счет прогрессивного увеличения числа международных источников рекомендательного характера, которые сегодня оказывают существенное влияние как на национальное право отдельных государств, так и на их правоприменительную практику. В XXI в. национальные правовые системы встают перед решающим выбором:

²² Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 14—15.

²³ Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (в ред. от 5 февраля 2014 г.) // Российская газета. 1997. 6 янв.

²⁴ URL: <http://base.garant.ru/56623105/>.

²⁵ URL: http://www.izak.ru/theme/upload/24_10_2014_dab17f1b030f13709e93ff9ebce642e6.pdf (дата обращения: 15 марта 2016 г.).

либо они сохраняют самостоятельный статус, либо, поддаваясь соблазнам гармонизации, меняют свою внутреннюю организацию. Как отмечается в зарубежной литературе, осуществляется переход от «права» к «лучшим практикам» (*best practices*)²⁶. В российской доктрине Н. Г. Вилкова пишет о движении от глобального контрактного права к глобальному применимому праву²⁷.

Вопрос о содержании понятия «право» не ограничивается сегодня национальным полем и смещается в международную область: он звучит уже не только и не столько в национальных судах, но в международных коммерческих арбитражах и трибуналах, разрешающих трансграничные споры. И этот вопрос уже начал решаться!

Приведем лишь два примера источников норм негосударственного регулирования, которые были разработаны совсем недавно и адресованы, как следует из преамбул, частным акторам, хозяйствующим субъектам, а также арбитрам и судьям. Они содержат крайне любопытные и в каком-то смысле беспрецедентные положения, фактически толкующие понятие «право». Речь идет о таких документах, как:

- Гагские принципы о выборе права, применимого к международным коммерческим контрактам (*The Hague Principles on Choice of Law in International Contracts*)²⁸ 2015 г., где в ст. 3 «Нормы права» («*Rules of law*») указывается, что «Правом, избранным сторонами, могут быть *нормы права*, которые являются общепризнанными на международном, наднациональном или региональном уровнях как нейтральный и сбалансированный свод правил, если иное не предусмотрено законом страны суда»;
- Вненациональные нормы как применимое право к международным контрактам Международной торговой палаты (*A-national rules as the applicable law in international*

*commercial contracts with particular reference to the ICC Model Contracts*²⁹), разработанные в развитие нейтральных юридических стандартов для международных контрактов (*Developing neutral legal standards for international contracts*) в 2015 г. Само название документа для позитивиста есть некий оксюморон³⁰. Документ содержит **семь типовых оговорок** о выборе применимого права, в том числе: «Настоящий договор регулируется принципами права, общепризнанными в международной торговле (*lex mercatoria*), вместе с Принципами УНИДРУА 2010 (за исключением статей 2.20, 3.2.7 и 6.2.1), исключая национальные законы»; «Любые вопросы, возникающие в связи с соглашением сторон, не урегулированные в контракте, регулируются в следующем порядке:

- 1) Принципами УНИДРУА 2010 (за исключением статей 2.20, 3.2.7, 6.2.1);
- 2) принципами права, признанными в международной торговле в качестве применимого права к международным контрактам;
- 3) соответствующими торговыми обычаями за исключением национальных законов» и другие оговорки.

Оба названных документа построены на основе широко признанной в доктрине и практике международного частного права концепции и одноименном коллизионном принципе — автономии воли сторон, позволяющем сторонам трансграничного контракта выбрать применимое к регулированию их отношений право. Автономия воли сторон, будучи коллизионным принципом, есть своего рода санкция государства относительно возможности применения к отношениям права, избранного сторонами. Традиционно стороны договора вольны выбрать право определенного государства. Данная концепция казалась незыблемой ввиду своей очевидности до относительно недавнего времени.

²⁶ DiMatteo L. A., Ostas D. T. Comparative Efficiency in International Sales Law // American University International Law Review. 2011. Vol. 26. Is. 2. Art. 3. P. 421—431.

²⁷ Вилкова Н. Г. От глобального контрактного права к глобальному применимому праву // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота : сб. статей / под общ. ред. А. С. Комарова. М. : Статут, 2016. С. 43—54.

²⁸ URL: http://www.hcch.net/upload/wop/gap2014pd06rev_en.pdf (п 46) (дата обращения: 16 ноября 2014 г.).

²⁹ Сайт ICC. URL: <http://store.iccwbo.org/content/uploaded/pdf/Developing%20neutral%20legal%20standards%20for%20intl%20contracts.pdf>.

³⁰ См.: об этом: Мажорина М. В. Вненациональные нормы как применимое право к международным контрактам: оксюморон или новая реальность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 12 (28) С. 93—104.

Гаагские принципы, как отмечается в их тексте, были разработаны «в развитие нейтральных правовых стандартов для международных контрактов»³¹. Одним из «новаторских решений» является ст. 3, содержащая квалификацию термина «право, избранное сторонами» («*the law chosen by the parties*») и поименованная как «Rules of law», что переводится на русский язык как «Нормы права». В Комментарий к Гаагским принципам прямо подчеркивается, что термин «*rules of law*» используется с тем, чтобы обозначить нормы, которые не исходят из государственных источников права³², т.е. подчеркивается независимость «норм права» от государства в своей онтологии.

Вненациональные нормы ICC — документ, который беспрецедентен как по своему названию, так и по содержанию. Он построен на реализации, как отмечается в предисловии, более «революционного» подхода, предполагающего существование *автономной правовой системы (lex mercatoria)*, которая способна регулировать международные контракты *вместо норм внутреннего законодательства*, а также предлагать индивидуально «скроенные» решения³³. Значение документа и его «революционность» заключаются в том, что он позволяет сторонам выбрать *вненациональные нормы (a-national rules)* в качестве *применимого права (as the applicable law)* во избежание выбора «моего права» или «вашего права». Конечно, в Гаагских принципах тоже дается расширительное толкование «применимого права» (*rules of law*), однако документ ICC прямо провозглашает вненациональные нормы применимым правом. При этом «революционный» подход ICC позиционируется как некая новая ступень на пути применения транснациональных норм.

Как замечает профессор Н. Г. Вилкова, это первая в истории ICC попытка предложить сторонам международных коммерческих контрактов новые подходы к определению применимого права: стороны могут подчинить свои

договоры общим правилам и принципам, в отношении которых существует широкий международный консенсус³⁴.

Отголоски обозначенных «сдвигов» слышны и в российской литературе. Так, А. В. Асосков предлагает дополнить п. 1 ст. 1210 ГК РФ, закрепляющий принцип автономии воли сторон, нормой, суть которой сводится к предоставлению сторонам договора, заключенного при осуществлении предпринимательской деятельности, права выбрать в качестве применимого права *систему норм*, применение которой не будет противоречить основным началам российского гражданского права³⁵. Автор также высказывает одобрение идеи о том, что применимое национальное право может выступать субсидиарным статутом в отсутствие исчерпывающего регулирования, например в Принципах УНИДРУА (по аналогии с механизмом восполнения пробелов Венской конвенции 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров)³⁶.

Важно то, что создаваемые сегодня нормы негосударственного регулирования формируют особую регулятивную систему не идеально-абстрактного вакуумного типа, служащую целям моделирования будущих правовых систем, а с очевидной прикладной целью — в качестве «применимого права» (*as the applicable law*) в условиях сформированного и широко признанного на международной сцене дестинатора этой системы — международного коммерческого арбитража.

Таким образом, наряду с терминами «право», «национальное право», «право государства», появляются иные конструкции: «система норм», «нормы права» (*rules of law*), «негосударственное право» (*non-State body of law*), «вненациональные нормы» (*a-national rules*).

Термин «нормы негосударственного регулирования», который служит для целей обозначения околоправового массива норм, должен сегодня пониматься в широком смысле: он вбирает в себя нормы *lex mercatoria*, транснациональные нормы, обычаи и обыкновения,

³¹ Сайт ICC. URL: <http://store.iccwbo.org/content/uploaded/pdf/Developing%20neutral%20legal%20standards%20for%20Intl%20contracts.pdf>.

³² URL: http://www.hcch.net/upload/wop/gap2014pd06rev_en.pdf (дата обращения: 16 ноября 2014 г.).

³³ URL: <http://store.iccwbo.org/content/uploaded/pdf/Developing%20neutral%20legal%20standards%20for%20Intl%20contracts.pdf>.

³⁴ Вилкова Н. Г. От глобального контрактного права к глобальному применимому праву. С. 47.

³⁵ Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 340.

³⁶ См.: Асосков А. В. Основы коллизионного права. М., 2012. С. 337.

общие принципы международной торговли, нормы формулярного права и прочие виды субправовых норм. Все эти нормы объективируются в самых разных источниках, все чаще в периодически обновляемых сводах норм негосударственного происхождения, которые позиционируются как «нейтральное решение», как обобщение «лучших практик».

Думается, что если смоделировать современный мировой форум, предметом обсуждения которого стал бы вопрос о сущности права, то, вероятно, пришлось бы вернуться к библейской истории о Вавилонской башне, ибо мы окунулись бы в абсолютно многоголосый хаос и какофонию.

Посмотрим на это с другого ракурса: сможет ли врач, обучавшийся в одной стране, вылечить человека в иностранном государстве? Сможет ли пекарь выпечь хлеб, а строитель построить дом? Да. А сможет ли юрист без дополнительной подготовки и переквалификации оказать юридические услуги в иностранном государстве? Маловероятно. На самом деле существует не так много столь локальных и «непригодных» в других странах профессий. Повар, водитель, парикмахер, швея — универсальны. Юрист — нет. В чем, собственно, дело? Медицина, физика, химия, география — аккумулируют знания о человеке или природе. Здесь есть некое ядро, например, представление о человеке, несмотря на то, что разнятся, допустим, методы лечения. Даже в разных мировых религиях есть некий единый нравственный императив. А юриспруденция? Это знания о том, что конкретное государство мира считает правом? А юристы — это интерпретаторы, посредники, толмачи? Есть ли в юриспруденции это единое ядро? Или юристы всего мира так и обречены со времен Ноя разговаривать на разных языках?

Г. В. Мальцев отмечает, что общемировое понимание и определение права практически невозможны³⁷. О. В. Мартышин пишет, что современная западная юриспруденция почти не

знает или избегает единого, универсального определения права, предпочитая ему многозначность термина и подчеркивая условность, относительность понятий и определений³⁸. А Г. Дж. Берман, говоря о западной традиции права, постулирует понятие права не как корпуса правил, но как процесса, в котором правила имеют смысл только в контексте институтов, процедур, ценностей и образа мышления³⁹.

Как в этом многоголосье разобраться правоприменителю, который, разрешая трансграничный спор, должен *ex officio* применить даже не свое, а, например, иностранное право? Тут недалеко и до когнитивного диссонанса, причиной которого может стать коллизия правопонимания, порожденная коллизией права. Ведь суд, применяя иностранное право, является, с одной стороны, сторонним наблюдателем, но в то же время обязан применить его в духе участника⁴⁰. Именно поэтому международное частное право с его центральным институтом — коллизией права — есть та область, где «распознавание» права и неправа имеет во многом сугубо практическое значение, непосредственно влияя на исход дела. И правовой плюрализм в таком ключе превращается из мощного теоретического течения в некое уравнение со множеством неизвестных, которое предстоит разрешить судье или арбитру. Так, проблема коллизии права явным образом обнаруживает практические последствия правового плюрализма, который сегодня превратился в глобальную теорию, названную «глобальная Буковина» по одноименной статье Гюнтера Тойбнера⁴¹ с отсылкой к Буковине, территории с многочисленными негосударственными нормативными порядками.

Судья или, особенно, арбитр международного коммерческого арбитража, разрешая трансграничный спор, сталкивается с уже возникшей и разрастающейся неправовой материей и должен каким-то образом реагировать: игнорировать ее или как-то «приспособить» ее к праву. И, как представляется, здесь, на дан-

³⁷ Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999. С. 4.

³⁸ Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6. С. 14—15.

³⁹ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1008. С. 28.

⁴⁰ Цит. по: Ralf M. The Re-statement of non-state law: the state, choice of law, and the challenge from global legal pluralism // Wayne Law Review. 2005. 51. P. 1227.

⁴¹ Teubner G. Global Bukowina: Legal Pluralism in the World Society // Gunther Teubner (ed.), Global Law Without a State. Brookfield : Dartmouth, 1997. P. 3—28.

ном этапе, очень важна роль науки, которая способна помочь правоприменителю, дать ему объяснение происходящего, адаптируя его в той или иной степени, локальное представление о праве к глобализирующейся социальной надстройке, формирующей общемировые стандарты. А международное частное право может выступить «пусковым механизмом» развития глобальных представлений о праве в условиях «открытого общества», формирующегося, по мысли Ю. Базедова⁴², в настоящее время.

Анализируя ситуации, вызванные возникающими в современном мире неправовыми нормативными порядками, Ральф Михаэльс выделяет четыре вида «реакций» государства на подобные массивы норм негосударственного регулирования:

- 1) непризнание — ограничение применимого права только правом государства;
- 2) инкорпорация — трансформация норм негосударственного регулирования в источники государственного права, допустим, посредством использования кодификаций норм негосударственного регулирования в качестве модельных актов, источников гармонизации. Государства вольны «приручить» этот потенциально опасный массив норм путем их включения в правовую систему, признавая негосударственные общности в качестве генератора норм, но отрицая их в качестве автономного правопорядка. Вплетая нормы негосударственного регулирования в канву национального права, государства тем самым подтверждают свою монополию в вопросах правотворчества и заполняют содержанием «узкие места» и абстрактные нормы своего права;
- 3) признание — трансформация норм негосударственного регулирования в факты (фактические обстоятельства) как механизм признания таких норм в качестве основы частноправовых отношений, сделок. Тем самым признаются некая автономность и защита частной сферы от государственного вмешательства. В то же время нормам негосударственного регулирования отводится

роль фактов (фактических обстоятельств), которые способствуют толкованию, юридическому анализу норм права. Например, государство может оставить на откуп практике формирование критериев «разумных ожиданий сторон», надлежащей заботливости и пр.;

- 4) делегирование — трансформация норм негосударственного регулирования в субординированное право или делегированное нормотворчество. Суть такой «реакции» государства на неправовую массив сводится к тому, что государство признает право на саморегулирование заинтересованных групп, исключая собственное регулирование в соответствующей области. Примерами делегирования служат: трудовые соглашения между профсоюзами и работодателями, кодексы поведения в различных сферах, «делегированное договорное право» и пр. Иными словами, негосударственные сообщества формируют свои нормы, и государство признает за ними силу закона, но они при этом подчинены закону государства. Негосударственное право трансформируется в субгосударственное⁴³.

Государство концептуализирует сегодня правовые нормы через призму правовой эксклюзивности, не обладая тем не менее эксклюзивным правом на все возможные социальные регуляторы, известные обществу как в догосударственный период развития, так и в постгосударственную эпоху наднациональных образований. Правовая монополия, как пишет Р. Михаэльс, не есть правовая эксклюзивность. Если государство не признает нормы негосударственного регулирования в качестве правовых, это не означает, что государственное право обладает иммунитетом от них и не подвержено их влиянию. В действительности государственное право является «восприимчивым правом», адаптирующимся к иным социальным регуляторам или адаптирующим последние. Используя последние, преобразуя и инкорпорируя их, государство способно сохранить свою правовую монополию, но не правовую эксклюзивность⁴⁴.

⁴² Об «открытом обществе» и международном частном праве см.: Базедов Ю. Право открытых обществ — частное и государственное регулирование международных отношений: общий курс международного частного права. М., 2016. 384 с.

⁴³ См.: Ralf M. Op. cit. P. 1209—1259.

⁴⁴ См.: Ralf M. Op. cit.

3. ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Эволюция правопонимания ожидаемо сопряжена с эволюцией правоприменения. Парадокс ситуации заключается в том, что парадигмальные сдвиги в правопонимании в некотором смысле обусловлены складывающейся правоприменительной практикой. И катализатором всех этих процессов выступает в международном частном праве международный коммерческий арбитраж.

Приведем аргументы. Термин «нормы права» (*rules of law*), с очевидностью понятный любому национальному юристу, приобретает новое сакральное значение в международном коммерческом арбитраже. Как пишет М. П. Бардина, совершенно особое значение термина «нормы права» не знакомо юристам в других областях, но все больше специалистов в области международного коммерческого арбитража могут считать себя посвященными в некое закодированное значение этого словосочетания, известного только правовому языку международного коммерческого арбитража⁴⁵. Оно, это «совершенно особое значение» — есть «тайное знание», этакое «коммерческое масонство»⁴⁶, доступное лишь посвященным, зачастую способное предопределить результат разрешения трансграничного спора по существу.

Арбитраж отходит от модели, в которой национальный правовой порядок рассматривается как эксклюзивная правовая основа разрешения спора. И вынесенное арбитражем решение, основанное на альтернативных регуляторах, «вживляется» в национальную исполнительную систему через механизм Нью-Йоркской конвенции 1958 г. Эта практика находит отражение в доктрине. Ф. С. Чахоши

задается вопросом: «Является ли международный коммерческий арбитраж автономной правовой системой?» (*Is International Commercial Arbitration an Autonomous Legal System?*)⁴⁷, а Катарина Тити пишет об арбитре как о нормотворце⁴⁸. Таким образом, арбитр, будучи правоприменителем, становится нормотворцем? Сомнительно. Скорее, арбитр при разрешении спора обращается к иным инструментам, способным урегулировать соответствующие отношения, к негосударственным нормам. Арбитр, расширительно толкуя «норму права», основываясь на фундаменте делегализации и автономности арбитража, фактически выходит за рамки правопонимания, исповедуемого государствами. Он применяет нормы, не квалифицируемые сегодня в качестве правовых национальными судами как органами государства, но понимаемые таковыми негосударственными правоприменительными органами. т.е. международный коммерческий арбитраж, созданный на основе норм государственного права (в том числе международных договоров), в процессе правоприменения выстраивает новую архитектуру права или как минимум международного частного права⁴⁹.

Именно в арбитражной «правоприменительной» практике все чаще можно слышать об обращении к нормам *lex mercatoria*. Собственно, эти два феномена: международный коммерческий арбитраж и *lex mercatoria* исторически развиваются параллельно. В одной из своих работ Г. Тойбнер моделирует мучения и амбивалентные метания судьи в попытке провести четкую линию между правом и неправом с тем, чтобы определиться с юридической природой *lex mercatoria*. И тут автор находит экстравагантный выход: вопрос о том, является *lex mercatoria* правом или нет — это

⁴⁵ Бардина М. П. Основания применения Принципов УНИДРУА при разрешении международных коммерческих споров по существу спора // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота. С. 8.

⁴⁶ См.: Teubner G. Breaking Frames: Economic Globalisation and the Emergence of *lex mercatoria* // European Journal of Social Theory. 2002. 5. P.199—217.

⁴⁷ Chaghooshi F. S. Is International Commercial Arbitration an Autonomous Legal System? // A Thesis Submitted to McGill University in partial fulfillment of the requirements of the degree of Master of Law. Faculty of Law McGill University Montreal. June 2013. Faculty of Law McGill University Montreal.

⁴⁸ См.: Tumi K. Арбитр как нормотворец: правотворческий процесс в инвестиционном арбитраже // Международное правосудие. 2015. № 2 (14). С. 85—99.

⁴⁹ Об архитектуре транснационального частного регулирования см.: Cafaggi F. The Architecture of Transnational Private Regulation // Comparative Research in Law & Political Economy. Research Paper. No. 20/2012. URL: <http://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/clpe/29> (дата обращения: 17 июля 2017 г.).

вопрос «самоопределения права», ответить на который волен сам судья. Тем самым идентификатором права является судья⁵⁰.

Возможно, при выстраивании новой архитектуры права судам и судьям в этой новой системе нормоустройства отводится более значимое место, нежели законодателям. Именно судьи или арбитры трактуют право, толкуют право, формируя современное представление о праве, которое служит снимком объективной действительности, в то время как взгляд законодателя на право ретроспективен. Право, по мнению Г. Дж. Бермана, становится более фрагментированным, субъективным, более настроенным на удобство, чем на мораль, оно больше заботится о сиюминутных последствиях, чем о последовательности и преемственности⁵¹. В некотором смысле прецедентные свойства права становятся более востребованными, как и способность осуществления некоего *ad hoc* регулирования.

И еще об одной эволюции в «частном» вопросе, последствия которой, как видится, имеют прямое отношение к «общей» обсуждаемой в рамках настоящей работы проблеме. Обратимся к разным регламентам международных коммерческих арбитражей, с учетом последовательности их появления, в части, предписывающей арбитрам алгоритм определения применимого права к спору:

Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ в редакции 1973 г.⁵²: «Арбитражный суд применяет право, которое стороны согласовали как подлежащее применению при решении спора по существу. При отсутствии такого согласия сторон арбитражный суд применяет право, определенное в соответствии с коллизионными нормами, которые он считает применимыми» (ст. 33). Согласно этой норме арбитраж мог разрешить спор только на основе норм права того или иного государства, так как, во-первых, стороны могли выбрать *право*, а, во-вторых, при

отсутствии такого выбора коллизионная норма отсылала и отсылает только к *праву* того или иного государства.

Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ в редакции 2010 г.⁵³: «Арбитражный суд применяет нормы права (*the rules of law*), которые стороны указали как подлежащие применению при решении спора по существу. При отсутствии такого указания сторон арбитражный суд применяет право (*law*), которое он сочтет уместным» (ст. 35). Согласно этой норме арбитраж может решить спор на основе «*rules of law*», которые выбрали стороны. Как уже говорилось выше, указанный термин имеет очень широкую интерпретацию и не сводим к понятию права государства. При отсутствии выбора сторон арбитраж уже не связан коллизионными нормами и осуществляет свой прямой выбор (*voie directe*) применимого права.

Арбитражный регламент Международной торговой палаты (МТП) в редакции 2012 г.⁵⁴: «Стороны свободны в выборе норм права (*the rules of law*), которые должны применяться составом арбитража к существу спора. При отсутствии такого соглашения состав арбитража применяет нормы права (*the rules of law*), которые сочтет подходящими» (ст. 21). Как видно, из этой статьи термин «право» исчез, будучи замененным на термин «нормы права». При этом термин «нормы права» истолкован МТП, чей регламент анализируется в Гаагских принципах вовсе не как синонимичный праву в его позитивном смысле.

По мнению Кристиана Г. Кортэ, высказанного относительно положений Типового закона ЮНСИТРАЛ о возможности применения «норм права» при разрешении споров, соединение *lex mercatoria* и международного коммерческого арбитража породило транснациональную правовую систему, которая тем не менее лишена важного компонента — юридической силы⁵⁵.

⁵⁰ Teubner G. Breaking Frames: Economic Globalisation and the Emergence of *lex mercatoria*.

⁵¹ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ; ИНФРА-М-Норма, 1998. С. 53.

⁵² URL: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/arb-rules/arb-rules-r.pdf> (дата обращения: 17 июля 2017 г.).

⁵³ URL: <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/arb-rules-revised/arb-rules-revised-r.pdf> (дата обращения: 17 июля 2017 г.).

⁵⁴ СПС «ГАРАНТ».

⁵⁵ Corte C. G. *Lex Mercatoria, International Arbitration and Independent Guarantees: Transnational Law and How Nation States Lost the Monopoly of Legitimate Enforcement* // *Transnational Legal Theory*. 2012. Vol. 3. No. 4. P. 345—370.

Итак, международный коммерческий арбитраж уже покончил с правом? Арбитражные регламенты большинства мировых арбитражных институций вслед за Арбитражем МТП предписывают применение «норм права». Изящная «подмена понятий», и вот уже арбитраж не связан в своем выборе правом того или иного государства, и автономия воли сторон в некотором смысле сменяется автономией воли арбитров⁵⁶, как в правопонимании, так и в правоприменении. Ибо в первом случае арбитр толкует, что есть «нормы права», избранные сторонами, а во втором — сам применяет то, что сочтет подходящим в качестве «норм права». Арбитр из юриста, строго следующего букве и духу закона, превращается в фокусника, и мы, затаив дыхание, ждем, что же он вытащит сегодня на свет из своего черного волшебного цилиндра: что он сочтет «нормами права», применимыми в отношении того или иного спора. А мы... мы будем связаны его решением на основе норм Нью-Йоркской конвенции 1958 г.!

4. ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ СДВИГИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ?

В настоящее время формируется новая юридическая картина мира⁵⁷. Реальность права, в основании которой лежат, по мнению

теоретиков права, интересы и юридические концепты как первичные составляющие процесса правообразования⁵⁸, предопределяет ту или иную версию понимания права. И если исходить из того, что право — это нормативное выражение социокультуры или коллективного воображаемого определенной эпохи, ее собственного юридического языка и дискурса⁵⁹, то, в частности, в международном частном праве с очевидностью наблюдаются или отображаются процессы трансформации социокультуры, юридического языка и дискурса.

Международное частное право как отрасль национального права стоит на фундаменте юридического позитивизма и не вмещает в себя те новые институты, о которых шла речь выше: нормы негосударственного регулирования, *lex mercatoria*, вненациональные нормы и прочие источники, не производные от государства в своей онтологии.

Научная парадигма международного частного права, напротив, взбудоражена соответствующими явлениями современной социокультуры и уже производит новый юридический язык и модерирует актуальный дискурс. Сегодня закладываются те мировоззренческие, теоретические и методологические установки, направленные на осмысление реальности права и околоправового пространства, которые в будущем обусловят новую версию понимания права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. — М. : Инфотропик Медиа, 2012.
2. Асосков А. В. Основы коллизионного права. — М., 2012.
3. Бардина М. П. Основания применения Принципов УНИДРУА при разрешении международных коммерческих споров по существу спора // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота : сб. статей / под общ. ред. А. С. Комарова. — М. : Статут. — С. 6—15.
4. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. — 2-е изд. — М., 2008.
5. Веденеев Ю. А. Антропология права: между социокультурными традициями и нововведениями // *Lex Russica*. — 2016. — № 9 (118). — С. 9—27.

⁵⁶ См.: об этом: Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. С. 489.

⁵⁷ См., например: Веденеев Ю. А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // *Lex Russica*. 2014. № 6. С. 641—654.

⁵⁸ См., например: Лукашева Е. А. Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений // Советское государство и право. 1975. № 4.

⁵⁹ Веденеев Ю. А. Юридическая наука: введение в концептуальную историю // Гражданин. Выборы, власть. 2017. № 1—2. С. 85—107.

6. Веденеев Ю. А. Юридическая наука: введение в концептуальную историю // Гражданин. Выборы, власть. — 2017. — № 1—2. — С. 85—107.
7. Вилкова Н. Г. От глобального контрактного права к глобальному применимому праву // Актуальные правовые аспекты современной практики международного коммерческого оборота : сб. статей / под общ. ред. А. С. Комарова. — М. : Статут, 2016. — С. 43—54.
8. Войниканис Е. А. Парадигмальный сдвиг в современном праве // Философия политики и права : сб. науч. работ. — М. : Изд. Воробьев А. В., 2010. — Вып. 1. — С. 138—161.
9. Захарова М. В. Влияние глобализации на юридическую карту мира // Lex Russica. — 2011. — № 3. — С. 420—430.
10. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. — М., 1999.
11. Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. — 2003. — № 6. — С. 12—25.
12. Benyekhlef K., Gelinas F. The International Experience in regard to Procedures for Settling Conflicts relating to Copyright in the Digital Environment // Copyright Bulletin. — 2001. — Vol. XXXV. — No. 4. — P. 7.
13. Berman P. S. Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders. — Cambridge, 2014.
14. Corte C. G. Lex Mercatoria, International Arbitration and Independent Guarantees: Transnational Law and How Nation States Lost the Monopoly of Legitimate Enforcement // Transnational Legal Theory. — 2012. — Vol. 3. — No. 4. — P. 345—370.
15. DiMatteo L. A., Ostas D. T. Comparative Efficiency in International Sales Law // American University International Law Review. — 2011. — Vol. 26. — Is. 2. — Art. 3. — P. 421—431.
16. Frank J. G. Globalization»s Law: Transnational, Global or Both? // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2695561 (дата обращения: 5 марта 2017 г.).
17. Jessup P. C. Transnational Law. — New Haven : Yale University Press, 1956.
18. Ralf M. The Re-statement of non-state law: the state, choice of law, and the challenge from global legal pluralism // 51 Wayne Law Review. — 2005. — P. 1209—1259.
19. Teubner G. Breaking Frames: Economic Globalisation and the Emergence of lex mercatoria // European Journal of Social Theory. — 2002. — 5. — P. 199—217.
20. Teubner G. Global Bukowina: Legal Pluralism in the World Society // Global Law Without a State / G. Teubner (ed.). — Brookfield : Dartmouth, 1997. — P. 3—28.
21. Zumbansen P. Transnational Legal Pluralism // Comparative Research in Law & Political Economy. Research Paper. — No. 1/2010. — P. 3—57.

Материал поступил в редакцию 30 июля 2017 г.

EVOLUTION OF LEGAL CONSCIOUSNESS AND LAW ENFORCEMENT: PARADIGMATIC SHIFTS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW OR WHEN WILL INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION PUT AN END TO LAW?)

MAZHORINA Maria Viktorovna — PhD in Law, Associate professor of the Department of Private International Law at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
mazhorina@inbox.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

Abstract. *The modern world order under the influence of globalization processes has changed considerably leading to a paradigm shift in law, to serious displacement of concepts of law understanding contributing to the methodological crisis of modern theory of law. A new legal reality of the XXI century transformed by globalization and examined in the context of legal anthropology draws the new future of law that is created not only by state authorities, but also by private actors: A global business community or business elite by means of transnational and multinational organizations, supranational structures.*

A disciplinary matrix of private international law is also undergoing significant changes being at the forefront of the ongoing transformations. And if the system of private international law based on the postulates of a positivist legal science still does not include the rules of non-state regulation, the modern paradigm of private international law is already inconceivable without appropriate rules.

Legal instruments used to regulate cross-border relations, the nucleus of which is formed by rules of law, are greatly enriched today by quasi-judicial (non-legal) means rather than new rules of law. A significant place is occupied now by rules of non-

governmental regulation that in the context of this study are qualified as collective and the most "neutral" designation of norms of non-governmental origin governing cross-border relations.

The process of active application of non-state regulation in the area of cross-border trade started in the sphere of trans-boundary trade regulation and has spread to virtually all types of trans-boundary law relations of civil nature, albeit with a very different degree of penetration and recognition of relevant rules, as well as with different admissible functionalities. A living, flexible, adaptive, self-organizing, mobile regulatory environment is shaped by supplanting, replacing, adapting, enriching traditional legal regulators. What is particularly important, and in the nearest future can lead to global consequences, is that the rules of non-governmental regulation form a special regulatory system of not ideally-abstract vacuum type that serves the purpose of modelling the future legal systems, but the system carrying out an obviously applied purpose as an "applicable law" in the context of well-developed and widely recognized destination on the international scene, i.e. international commercial arbitration.

In fact, there is some fundamental "rift" in the matter of law understanding and, as a consequence, enforcement (application of norms) in the practice of national courts in different countries and in the practice of international commercial arbitrations resolving cross-boundary disputes.. The term "rules of law" clearly understood by any domestic lawyer takes on new sacred importance in private international law and in international commercial arbitration.

The author makes an attempt to assess developments in the context of private international law. The current legal reality that is being studied in the context of legal anthropology, synergetics, integrative approach to law provides new answers to contemporary challenges that are highly relevant to private international law and its institutions. This approach, i.e. examining developments in international private law through the prism of legal theory, allows for "updating", "enriching", "modernizing" the doctrine in question.

Keywords: International private law, international commercial arbitration, law, paradigm, rules of law, globalization, applicable law.

REFERENCES

1. Asoskov, A. V. Conflict regulation of treaty obligations. M.: Infotropik Media, 2012. P. 340.
2. Asoskov, A. V. Foundations of Conflict of Laws. M., 2012.
3. Bardina, M. P. The basis for the application of UNIDROIT Principles to resolve international commercial disputes on the merits of the dispute // Current Legal Aspects of Contemporary International Commercial Turnover: Collection of articles / Ed. by Doctor of Law, Prof. A.S. Komarov. M.: Statut. P. 6—15.
4. Berman, G. J. Western Tradition of Law: Age of Formation. — 2-ed. M., 1008. P. 28.
5. Vedeneev, Yu. A. Anthropology of Law: Between Cultural Traditions And Innovations // LEX RUSSICA. № 9 (118) September 2016 P. 9—27.
6. Vedeneev, Yu. A. Legal Science: Introduction to the Conceptual History // The Citizen. Elections, Power. № 1—2. 2017. P. 85—107.
7. Vilkova, N. G. From global contract law to global applicable law // Relevant Legal Aspects of Contemporary International Commercial Turnover: Collection of articles / Ed. by Doctor of Law, Prof. A.S. Komarov. M.: Statut. P. 43—54.
8. Vojnikanis, E. A. Paradigm Shift in Modern Law // Philosophy of Politics and Law: Collection of Scientific Works. M.: Vorobyov publishing House, 2010. Issue 1. P. 138-161.
9. Zakharova, M. V. The Impact of Globalization on the Legal Map of the World // Lex Russica. 2011, № 3. 420—430.
10. Martyshin, O. V. Are the basic types of understanding of law compatible? // The State and Law. 2003 № 6. P. 12—25.
11. Maltsev, G. V. Understanding of Law. Approaches and problems. M., 1999.
12. Benyekhle, K., Gelinis, F. The International Experience in regard to Procedures for Settling Conflicts relating to Copyright in the Digital environment // Copyright Bulletin, Vol. XXXV, No. 4, 2001. P. 7
13. Cristián Gimenez Corte. Lex Mercatoria, International Arbitration and Independent Guarantees: Transnational Law and How Nation States Lost the Monopoly of Legitimate Enforcement // Transnational Legal Theory, Volume 3, Number 4, 2012, pp. 345—370.
14. Frank J. Garcia. Globalization's Law: Transnational, Global or Both?// https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2695561 (5.03.2017).

15. *Larry A. DiMatteo, Daniel T. Ostas*. Comparative Efficiency in International Sales Law // American University International Law Review. Volume 26 Issue 2 Article 3. 2011. P. 421—431.
16. *Paul Schiff Berman*. Global Legal Pluralism: A Jurisprudence of Law Beyond Borders. Cambridge, 2014.
17. *Philip C. Jessup*. Transnational Law. New Haven: Yale University Press, 1956.
18. *Peer Zumbansen*, Transnational Legal Pluralism // Comparative Research in Law & Political Economy. Research Paper No. 1/2010. R. 3—57.
19. *Ralf Michaels*. The Re-Statement of non-state law: The state, choice of law, and the challenge from global legal pluralism // 51 Wayne Law Review 2005. P. 1209—1259.
20. *Teubner G.* Global Bukowina: Legal Pluralism in the World Society // Gunther Teubner (ed.), Global Law Without a State. Brookfield: Dartmouth 1997. P. 3—28.
21. *Teubner G.* Breaking Frames: *Economic Globalisation and Emergence of lex mercatoria* // European Journal of Social Theory 5, 2002. P. 199—217.